

**Информационная хунта (1866–1867):
надежды и разочарования. Испания и
Куба накануне Десятилетней войны за
независимость 1868–1878 гг.**

**The Information Junta (1866–1867): Hopes
and Disappointments. Spain and Cuba on
the eve of the Ten Years' War of Independ-
ence of 1868–1878**

Ивкина Людмила Андреевна,
кандидат исторических наук,
Института всеобщей истории РАН.

Ivkina Liudmila A.-

*PhD (History), Institute of World History of the Russian Acad-
emy of Sciences.*

E-mail: lais07@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0388-7957.

Аннотация: Информационная хунта или Комиссия по реформам (1866–1867), созданная по инициативе Испании и подержанная сторонниками реформ колониального управления на Кубе и Пуэрто-Рико, была призвана обсудить вопросы, связанные с либерализацией колониального режима в испанских колониях, отмены режима военного времени, введенного в 1825 г. и так называемых «специальных законов», установленных 80-й статьей конституции 1837 г, исключивших кубинских депутатов от участия в испанском парламенте, рассмотреть вопросы регулирования труда цветного населения острова и выходцев из Азии и способах привлечения свободной белой иммиграции, а также и вопросы, связанные

с мореплаванием и торговлей с другими странами и введением таможенных пошлин. Это была первая попытка диалога между метрополией и ее колониями. Заседания Информационной хунты, проходившие с 30 октября 1866 по апрель 1867 г., выявили серьезные разногласия между кубинскими и пуэрто-риканскими депутатами по поводу решения проблемы рабства, а также в лагере кубинских политиков-реформаторов относительно предлагаемых политических реформ колониального управления. Деятельность Информационной хунты и ее итоги и стали предметом исследования в предлагаемой статье.

Ключевые слова: Информационная хунта (1866-1867), Комиссия по реформам, рабство, Х. А. Сако, Испания, Куба, состоявшийся диалог, Десятилетняя война за независимость 1868–1878.

Abstract: The Information Junta or Commission for Reform (1866–1867), convened at the initiative of Spain and supported by supporters of reforms of colonial administration in Cuba and Puerto Rico, was called upon to discuss issues related to the liberalization of the colonial regime in the Spanish colonies, the abolition of the wartime regime introduced in 1825, and the so-called "special laws" established by Article 80 of the Constitution of 1837, which excluded Cuban deputies from participation in the Spanish Parliament, to consider the regulation of the labour of the coloured population of the island and of Asians, and the means of attracting free white immigration, as well as those connected with navigation and trade with other countries, and the imposition of customs duties. This was the first attempt at dialogue between the mother country and its colonies. Meetings of the Information Junta, held from October 30, 1866 to April 1867, revealed serious disagreements between Cuban and Puerto Rican deputies over the issue of slavery, as well as within the camp of Cuban reformist politicians over proposed political reforms to colonial administration. The activities of the Information Junta and its results became the subject of research in the proposed article.

Keywords: Information Junta, Commission for Reform, slavery, J. A. Sako, Spain, Cuba, Failed Dialogue, Ten Years' War of Independence 1868-1878.

DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-20-39

Дата публикации: 24.11.2023

Ссылка для цитирования:

Ивкина Л.А. Информационная хунта (1866–1867): надежды и разочарования. Испания и Куба накануне Десятилетней войны за независимость 1868–1878 гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2023. № 40. С. 20-39. DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-20-39

Последовавший после окончания войны за независимость Испанской Америки 1810–1826 гг. период был отмечен ужесточением колониального режима на Кубе, ставшей с этого момента важнейшим колониальным владением Испании в Америке. Стремясь пресечь революционизирующее влияние на Кубу событий, произошедших на американском континенте, и упрочить свое господство над островом, метрополия приняла меры военного, административного и политического характера. 17 мая 1824 г. королевским декретом Кубе было присвоено название «всегда верного острова» («Siempre fiel isla»). На острове были учреждены военные трибуналы – «Постоянная военная исполнительная комиссия острова Куба», а генерал-капитаны острова были наделены чрезвычайными полномочиями. При Д. Вивесе (1823 –1832) остров был разделен на три военных департамента: западный (Гавана), центральный (Тринидад) и восточный (Сантьяго де Куба). На острове было сконцентрировано около 26 тыс. регулярных войск¹. Здесь же нашли прибежище происпанские элементы, покинувшие бывшие континентальные колонии. Многие из политических и экономиче-

¹ Cuadro estadístico de la siempre fiel isla de Cuba correspondiente al año de 1827. La Habana, 1828. P.98.

ских уступок, предоставленных классу кубинских собственников в первые два десятилетия XIX в., были ликвидированы.

После смерти Фердинанда VII (29 сентября 1833 г.) вдовствующая Мария Кристина стала регентшей до достижения совершеннолетия дочери Изабеллы II. В борьбе за престол, разгоревшейся между карлистами, сторонниками брата Фердинанда VII и изабелистами, она вынуждена была искать поддержку у представителей буржуазно-либерального блока, партии прогрессистов. В 1834 г. был принят сначала «Королевский статус», затем в августе 1836 г. восстановлена конституция 1812 г., а 27 апреля 1837 г. принята новая конституция, восстановившая в Испании конституционную монархию. Но, несмотря на эти изменения, кубинские депутаты не были даже допущены на заседания испанских кортесов. 2-я статья дополнительного раздела конституции 1837 г. гласила, что отныне «заокеанские провинции будут управляться специальными законами» («Las provincias de Ultramar serán gobernadas por leyes especiales»)². Однако, что означали эти «специальные законы» и когда они должны быть приняты, ничего не было сказано. Подобная формулировка, определившая суть и содержание испано-кубинских отношений, присутствовала в конституции 1845 г. и не промульгированной конституции 1856 г. Из всех завоеваний либеральной эпохи первых двух десятилетий (1808–1814 и 1820–1823) осталось лишь только терминологическое выражение: отныне заморские владения назывались не колониями, а провинциями.

Изменения международной обстановки, вызванные Гражданской войной в США 1861–1865 гг. и отменой там рабства, борьба во главе с Англией за прекращение работорговли, развитие капитализма в самой Испании и усиление позиций либеральных политических деятелей, вынудили метрополию пойти на некоторое смягчение колониального режима. К тому же рост антииспанских настроений среди креольского населения острова, попытки со стороны буржуазно-плантаторского блока присоединить остров к США (позорное десятилетие 1845–1855),

² Saco, 1960–1963. Т. III. P. 154, 155.

вынуждали метрополию проводить более гибкую политику в отношении Кубы.

С конца 50-х годов политическая обстановка на острове меняется. При генерал - капитанах Кубы Ф. Серрано (1859–1862) и Д. Дульсе (1862–1866), выразителей интересов партии «Unión Liberal», начавших так называемую «политику привлечения» (*política de atracción*), был несколько ослаблен режим военного времени, в частности, была разрешена свободы печати и собраний. Незначительное со стороны метрополии смягчение колониального режима были с одобрением встречены самой креольской буржуазией. На Кубе вновь возродилась борьба за реформы колониального управления. Её возглавили крупные плантаторы западных районов острова, те, которые в 40-50-е гг. являлись сторонниками присоединения острова к США а после Гражданской войны и отмены рабства отошли от идеи аннексии, стремясь добиться от метрополии реформ колониального управления. Среди видных деятелей кубинского реформизма фигурировали М. де Альдама, Х.Л. Альфонсо, Х. Морлес Лемус, Х. А. Эчеверрия, А. Фернандес Брамосио и др. Была создана своего рода партия реформ, а с 1863 г. начала выходить газета «El Siglo», ставшая рупором кубинских реформаторов.

Движение за реформы колониального управления на Кубе было поддержано испанскими либеральными деятелями в самой Испании. Выступая в кортесах в январе 1865 г. бывший генерал-капитана Кубы Ф. Серрано, заявил о необходимости изменения колониальной политики Испании и осуществления реформ социально-экономического и политического характера на Кубе, в частности, принятия действенных мер против работорговли, «этого позора испанской нации»³. Его речь была с воодушевлением воспринята сторонниками реформ на Кубе. 12 мая 1865 г. в Мадрид был направлен программный манифест, под которым подписались свыше 24 тыс. жителей. В нем содержалось три основных требования: изменение существующей таможенной системы, в частности ликвидация ограничений в торговле с США; запрещение работорговли; создание автоном-

³ Serrano, 1866. P.7–17.

ного правительства и представительство в испанских кортесах⁴. Вопрос об отмене рабства не ставился вообще.

Экономическое процветание острова в рассматриваемый период, покоившееся на плантационном рабстве, превратило Кубу в богатейшее колониальное владение, из которого Испания извлекала огромные материальные ресурсы. Основной производительной силой продолжала оставаться система внеэкономического принуждения – рабство. В сахарной отрасли в начале 60-х годов XIX в. было занято наибольшее число невольников – свыше 172 тыс. рабов, или 47% от общей численности этой категории населения острова⁵.

Кроме того, институт рабства - главная доминанта кубинского колониального общества- в рассматриваемый период превратился в действенный политический инструмент, с помощью которого метрополия стремилась сохранить и упрочить свою власть на Кубе. Всячески культивируя у кубинских плантаторов страх перед угрозой негритянских волнений Испания стремилась создать барьер, позволивший закрыть «двери революционным идеям, которые могли бы спровоцировать на Кубе то, что случилось с её колониальными владениями на латиноамериканском континенте»⁶.

Проблема рабства вела не только к усилению разногласий между креольскими собственниками и испанскими колониальными властями, но и создавала глубокие размежевания внутри самого класса кубинских рабовладельцев. Сторонники запрещения работорговли считали, что ситуация с неконтролируемым ростом несвободного черного населения представляет серьезную угрозу для белого населения и для будущего острова в целом. Они полагали, что изменения в демографическом соотношении между белым и цветным населением опасны и не могут служить гарантией порядка, что в любой момент «эта невоспитанная толпа необузданных негров может стать инструментом в руках политических демагогов для осуществле-

⁴ Documentos... T.I. P.532; Sedano y Cruzat, 1873. P. 267 – 272.

⁵ Noticias estadísticas de la isla de Cuba en 1862. Madrid, 1864. S/p.

⁶ Infiesta, 1951. P.116.

ния их низких революционных планов». «И тогда достаточно будет лишь одного слова, чтобы возбудить в них стремление к эмансипации, – продолжали они. – Совсем недавно мы были свидетелями, как небольшие искры этого огня со скоростью света распространились по нашим плантациям и лишь благодаря активной и энергичной деятельности испанских властей, их моральной и материальной силе были предотвращены столь ужасные последствия... Увеличивать число рабов – это увеличивать их силу, что может привести к вызреванию нежелательных последствий и создавать угрозу нашему благополучию. Куба может процветать, если сократить численность африканской расы и без промедления заняться решением проблемы свободной колонизации»⁷.

К середине XIX в. рабство вступило в период затяжного кризиса. Существенное влияние на это оказали многие факторы объективного характера, прежде всего, развитие промышленного капитализма, мировое аболиционистское движение за прекращение работорговли, Война за независимость Испанской Америки 1810–1826 гг. и последовавший за ней процесс постепенной ликвидации там рабства, Гражданская война в США 1861–1865 гг., главным итогом которой стала отмена рабства (1862), невозможность внутреннего воспроизводства раба в условиях жестокой эксплуатации, вызванной свободной конкуренцией на мировом капиталистическом рынке. И хотя производство в значительной степени развивалось на базе докапиталистических форм эксплуатации (77,8% рабочей силы были рабами и только 22,2% – наемными работниками)⁸, его дальнейшее историческое существование было предрешено.

В связи с запрещением работорговли затраты на покупку и содержание рабов существенно возросли. Если в 30-е годы стоимость раба не превышала 400 песо, то в 60-е годы она возросла до 700–1200 песо. Запрещение и пресечение работорговли существенно усложнила доставку невольников на остров и со-

⁷ Archivo Nacional de Cuba (ANC). Junta de Fomento. Legajo 97. N 4074. P.4.5.

⁸ Knight, 1970. P.179.

ответственно повысило их стоимость. В то же время заметно сократилась доля несвободного небелого населения, что было связано прежде всего с запрещением работорговли: если в 1842 г. его численность превысила 436 тыс., то в 1862 г. сократилась до 368 тыс.⁹ С 1822 по 1867 г. на остров было ввезено от 367 до 402 тыс. невольников, а с 1840 по 1867 г. к берегам Кубы прибыло 407 экспедиций, доставивших свыше 187 тыс. рабов¹⁰.

При общей стоимости инхенио в этот период в 350 тыс. песо треть этой суммы расходовалась на приобретение и содержание рабов¹¹. Однако с увеличением стоимости раба его производительность не росла. Единственным реальным способом извлечь из него большую прибыль являлось усиление эксплуатации, что естественно вело к сокращению продолжительности его жизни. В середине XIX в. издержки на содержание рабов в четыре раза превышали издержки на амортизацию технического оборудования.

Свидетельством внутреннего кризиса рабства являлся постоянный рост свободного небелого населения острова, численность которого за рассматриваемый период возросла со 152 тыс. в 1841 г. до 225 тыс. человек в 1862 г.¹² Процесс метисации, смешения различных рас, начавшийся еще в раннеколониальную эпоху, со временем приобретал все большую силу и становился необратимым. Здесь активно были задействованы мощные факторы естественных, биологических законов человеческого существования, перед которым были бессильны любые искусственные барьеры, возводимые колониальными властями. Отчасти этому способствовали и испанские законы, которые многие исследователи рабства считают более мягкими (по сравнению, скажем, с английскими).

И тем не менее радикальное решение этого важного социального вопроса представители буржуазно-плантаторского блока, материальные интересы которых смыкались с интересами с

⁹ Pezuela, 1863–1866. Т.4. P.238, 239.

¹⁰ Murray, 1971. V.3. Parte 2. P.147, 149.

¹¹ Pezuela J. de la, 1863–1866. P.60.

¹² Cuadro estadístico de la siempre fiel isla de Cuba correspondiente al año de 1846. La Habana, 1847. P. 9; N. E.

смыкались с интересами испанских колониальных властей и коммерсантов, стремились отложить на неопределенное будущее. Политическую обстановку на Кубе в середине 60-х годов XIX в. довольно верно отразил один из сторонников реформ Х. А. Эчеверрия. В июне 1865 г. в письме Х. А. Сако в Париж он писал: «Все находятся в ожидании чего-то, однако никто не знает- чего. Испанцы начали переводить свои капиталы в Испанию, многие креолы им подражают. Но основная масса сохраняет спокойствие духа. Однако нет таких, кто считал бы неизбежной более или менее скорую отмену рабства»¹³.

Хотя в кругах кубинских реформистов довольно свободно обсуждался вопрос об отмене рабства, в предложенной ими программе реформ об этом не было сказано ни слова. Консерватизм крупных кубинских собственников плантаторов объяснялся довольно просто. Кризис сахарного производства в США, в Луизиане, вызванный последствиями Гражданской войны, превратил Кубу в эти годы практически в единственного поставщика тростникового сахара на мировой рынок, в частности, и в США. В 1865 г. производство сахара составило 620 тыс. т, а в 1870 г. возросло до 726 тыс. тонн¹⁴. Обуржуазившиеся кубинские собственники стремились как можно дольше отсрочить окончательное решение вопроса о рабстве, согласовав его решение с интересами рабовладельцев.

Однако в политической и экономической сферах все более нарастали неразрешимые противоречия. Наибольшее возмущение вызывала у креольского населения система политического бесправия, царившая на Кубе вот уже несколько десятилетий. Все важные посты колониального управления находились в руках испанцев или про-испанских элементов, стоявших на страже защиты «национального единства». Они господствовали в Гаванском муниципалитете, финансовом и почтовом ведомствах, в судебных и административных органах власти.

¹³ Fernández de Castro, 1923. P. 329.

¹⁴ Informe sobre el Censo de la República de Cuba, 1899. Wash., 1900. P. 537, 538.

Лидер кубинского реформизма 30-х гг. Х. А. Сако, живя в эти годы в Париже, продолжал внимательно следить за событиями, происходившими на его родине. В 50-е годы вышел ряд его работ: «Политическая ситуация на Кубе» (1851), «Кубинский вопрос» (1852), «Надежды Кубы» (1858), в которых он, как и прежде, требовал от Испании осуществить реформы колониального управления. Отметив в работе «Надежды Кубы», что существуют три альтернативы существования Кубы-в качестве колонии Испании, независимой или аннексированной США – Сако ясно давал понять, что предпочитал первый вариант, когда Куба, получив, наконец, от метрополии требуемые либеральные институты и свободы, будет жить «довольная и процветающая, связанная тесными узами с Испанией»¹⁵. «Политическое рабство» своей родины он воспринимал особенно тяжело.

Испанские политики не могла также не учитывать сложившуюся ситуацию в мире и не обращать внимания на требования Англии и тем более США, которые теперь после отмены рабства, стали союзниками Англии, принять радикальные меры по пресечению работорговли. В начале 60-х гг. в Испании активную деятельность развернуло созданное в 1865 г. аболиционистское общество, членами которого были видные либералы и экономисты, фритредеры-сторонники свободной торговли, а также представители либерально-демократической интеллигенции и политиков.

Учитывая все эти обстоятельства в начале ноября 1865 г. в Кортесы был внесен «Закон о запрещении работорговли», а 25 ноября королевским указом учреждена Комиссия по реформам в колониях, или Информационная хунта. Информационная хунта должна была обсудить с представителями кубинского общества основы тех «специальных законов», которые Испания, согласно 80 статье конституции, обещала предоставить Кубе еще в 1837 г., а также рассмотреть вопрос о регулировании труда цветного населения острова и выходцев из Азии и способах привлечения свободной белой иммиграции; решение вопросов,

¹⁵ Saco, 1963. Т. III. P.

связанных с мореплаванием и торговлей с другими странами, а также установлением таможенных пошлин¹⁶.

В декабре 1865 г. испанское правительство (Фр. Серрано) предложило патриарху кубинского реформизма 30-х гг. Сако принять участие в работе Информационной хунты в качестве представителя от испанского правительства, однако это предложение было им отвергнуто.

Это была первая попытка диалога между кубинскими сторонниками реформ колониального управления и метрополией. По образному выражению кубинского историка В. Моралеса-и-Моралеса, созыв Информационной хунты «стал лучиком света в темном царстве политического бесправия»¹⁷.

И здесь впервые ярко проявились политический талант и одаренность одного из ведущих испанских политиков XIX в., архитектора режима реставрации, сыгравшего важную роль в утверждении конституционной монархии в Испании Антонио Кановаса дель Кастильо (1828–1897). Впервые А. Кановас появился на политической арене в годы IV - ой испанской революции 1854–1856 гг. Тогда, ещё находясь в лагере умеренного либерального крыла испанских политиков, он выступил с резкой критикой в адрес испанской дворцовой камарильи, против царившей в стране коррупции и взяточничества. Взлет политической карьеры А. Кановаса был стремителен. В 1854 г. он – депутат кортесов, в 1857 г. – губернатор Кадиса, в 1864 г. – министр внутренних дел, в 1865 г. – министр колоний, в 1866 г. – министр финансов. Чем выше поднимался он по карьерной лестнице, тем более консервативными становились его политические взгляды. Именно А. Кановас дель Кастильо, будучи министром колоний в 1865–1866 гг., стал инициатором созыва Информационной хунты или Комиссии по реформам в колониях, некоего подобия (по его образному выражению) «маленького

¹⁶Información sobre reformas en Cuba y Puerto Rico. Nueva York, 1867. T.1. P.1, 33.

¹⁷Morales y Morales, 1963. T3.P. 138.

кубинского конгресса», где все депутаты приедут не решать, а обсуждать¹⁸.

В работе хунты должны были принять участие 22 депутата от колоний Испании (16 от Кубы и 6 от Пуэрто-Рико) и 22 депутата - от метрополии. Высокий имущественный ценз допускал к участию в выборах наиболее состоятельные слои населения острова (в выборах приняло участие 112 человек). Согласно существующему порядку выборщики делились на три основные категории: 38 человек – представители земельных собственников; 37 – торговые и промышленные круги; 37 – лица свободных профессий. Чтобы усилить позиции консервативного крыла буржуазно-плантаторского блока, испанские власти разделили всех избирателей в муниципальных округах не на три, а на четыре группы, каждой из которых было предоставлено равное представительство – по 28 депутатов: землевладельцев, промышленников, коммерсантов и лиц свободных профессий. Таким образом, происпански настроенные круги населения Кубы получили равное с креольскими выборщиками число голосов – по 56.

Предвыборная борьба отразила всю глубину противоречий между сторонниками сохранения статус-кво, опасавшихся любых кардинальных изменений существующего порядка, и либеральными кубинскими деятелями, в основном земельными собственниками и представителями креольской интеллигенции, пытавшимися обеспечить себе господствующие позиции в управлении делами острова.

И тем не менее муниципальные выборы, состоявшиеся в марте 1866 г., принесли победу сторонникам реформ. Из 16 избранных депутатов 12 являлись выразителями их интересов. Среди них фигурировали такие деятели, как Ф. де Фриас-и-Жакотт (граф Посос Дульсес), Николас Аскарате, Хосе Антонио Эчеверия, Каликсто Берналь, Антонио Фернандес Брамосио, Хосе Моралес Лемус и др. Из 4 депутатов от Пуэрто-Рико трое были сторонниками реформ. Как и в 1836 г. депутатом от Сантьяго де Куба вновь был избран Х. А. Сако. Последний, не

¹⁸ Sedano y Cruzat, 1873. P. 266.

веря в результативность работы Информационной хунты, все же решил по просьбе своих соотечественников принять участие в работе Комиссии. 15 июня 1866 г., находясь в Париже, Сако направил Кановасу дель Кастильо свою статью под названием «Политическое бесправие, на которое обрекли Заморские провинции (Ультрамара) правительство и Учредительные кортесы в 1837 г. был антиконституционным актом». Он прямо заявлял, что первым пунктом рассмотрения Информационной хунты должен стать вопрос о политических реформах для Кубы¹⁹.

В июле 1866 г. еще до созыва Комиссии по реформам либеральное правительство Л. О' Доннеля пало, Кановас дель Кастильо был вынужден бежать из Мадрида, а когда новое правительство Нарваэса, достаточно враждебно относившееся ко всякого рода реформам в колониях и особенно к такой проблеме, как отмена рабства, отложило заседания кортесов на полгода и запретило деятельность Испанского аболиционистского общества, уже было мало надежд на то, что работа Комиссии вообще может состояться. И когда, наконец, 30 октября 1866 г. кубинские депутаты приступили к своим обязанностям, им было объявлено, что заседания Комиссии будут проходить секретно и передавать в прессу информацию о ее работе запрещено²⁰.

Заседания Информационной хунты проходили с 30 октября 1866 г. по апрель 1867 г. Кубинские реформисты представили свой пакет конституционных реформ, среди которых фигурировали такие, как отмена чрезвычайного положения на острове, введенного еще в 1825 г; разделение политических и гражданских и военных полномочий; предоставление испанским подданным всех конституционных прав, которыми пользуются жители метрополии; наделение верховной исполнительной властью назначаемого королем гражданского губернатора, а командованием армией и управлением военно-морского флота генерал-губернатора и маршала, также назначаемых королем; создание Провинциального совета (провинциальной хунты) и

¹⁹ Saco, 2001. V. IV. P. 259–274.

²⁰ Фонер, 1964. P.197,198.

островного депутатского корпуса, призванных решать вопросы, связанные непосредственно с проблемами Кубы; представительство в испанских кортесах в соответствии с действующим законом; деление территории острова на шесть дистриктов с соответствующими губернаторами и провинциальными депутатскими советами, имеющих те же права, что и в Испании; наделение муниципальных органов власти, избираемых народным голосованием, широкими полномочиями; право на образование новых муниципальных объединений²¹.

Вопреки заявленному регламенту первым в повестке дня обсуждался не политический, а социальный вопрос (о регламентации труда цветного населения и выходцев из Азии и меры по привлечению свободной иммиграции). Сако, прибывший в Мадрид с некоторым опозданием, узнав об изменении регламента, заявил протест и отказался официально присутствовать на заседаниях Хунты до тех пор, пока не начнется обсуждение политических реформ. Он не посетил ни одного заседания хунты, а все кубинские депутаты собирались у него на квартире каждый день, обсуждая работу Комиссии.

Рассмотрение социального вопроса тотчас же выявило серьезные разногласия среди депутатов. 27 ноября 1866 г. на третьем заседании комиссии выступили представители от Пуэрто-Рико Хосе Хулиан Акоста, Руис Белвис и Франсиско М. Кихано, предложившие план немедленной отмены рабства в Пуэрто-Рико. Это требование вызвало со стороны кубинских и испанских депутатов недовольство и осуждение. Несмотря на их пламенные речи в защиту аболиционистских идей, они на практике оказались неспособными осуществить план радикальной отмены рабства на Кубе, мотивируя это тем, что «остров Куба, учитывая его настоящее политическое, административное и экономическое положение, не способен без серьезных последствий вынести результаты столь неожиданных перемен в существующем способе производства...»²². Решение социальных проблем кубинские депутаты ставили в прямую зависимость от

²¹ Sedano Cruzat, 1873. P.287.

²² Información, 1867. P. 254.

решения политических требований, которые прежде всего обеспечили определенные свободы белому населению острова. По существу, вся дальнейшая работа Информационной хунты зашла в тупик.

Лишь только в конце апреля 1867 г. кубинские реформаторы были все-таки вынуждены представить свой проект отмены рабства, который не отличался радикальностью. Проект предусматривал план постепенной (в течение 7 лет) отмены рабства с выкупом; немедленному освобождению подлежали только рабы, достигшие 60-лет, и дети рабов в возрасте до 7 лет²³. Но этот проект не был даже заслушан.

В лагере кубинских либералов не было единства и по вопросу о политических реформах. Разногласия между К. Берналем и Х.А.Сако, выступавшими за более глубокие перемены существующего колониального режима, и большинством кубинских депутатов, вынудили последнего 29 марта 1867 г. направить испанскому правительству своё «Частное мнение». В нем он отметил, что в ходе работы Информационной хунты было представлено пять вариантов (альтернатив) политических реформ: 1) сохранение существующего статус-кво без всяких изменений; 2) создание Консультативного совета при правительстве, в состав которого должны войти путем избрания представители заокеанских испанских провинций; 3) ассимиляция, то есть представительство депутатов от заокеанских провинций в испанских кортесах; 4) создание законодательного (двухпалатного) органа власти в заокеанских провинциях без представительства в испанских кортесах; 5) та же самая законодательная двухпалатная система с представительством в испанских кортесах²⁴.

Сако склонялся более к 4-му варианту, то есть к созданию двухпалатного законодательного органа, наделенного достаточными властными полномочиями, но без представительства в испанских кортесах, мера, которую он уже считал политически неэффективной. Свою точку зрения он мотивировал тем, что голоса незначительного числа кубинских депутатов в испан-

²³ Ibid., P.287–292.

²⁴ Ortiz, 1929.P.179.

ском парламенте вряд ли будут играть сколько-нибудь существенную роль в общем консервативном тоне обсуждений и что требования заокеанских провинций вряд ли будут рассматриваться с должным пониманием и с учётом специфических особенностей их развития. Кроме того, отмечал он, многие депутаты, к сожалению, предают интересы своей родины, что ими могут стать только наиболее зажиточные слои населения; что присутствие кубинских депутатов в испанских кортесах в 1812–1814 и 1820–1823 гг. не принесло острову никаких положительных результатов²⁵.

В то же время он настаивал на необходимости создания провинциальных законодательных органов власти, которые могли бы заниматься внутренними островными проблемами. Он прекрасно понимал, что Испания вряд ли пойдет на такое решение, потому что это именно то, что необходимо Кубе и что может сделать кубинцев счастливыми и в меру свободными. Он считал «своим священным долгом требовать от Испании не того, что она сама желает предоставить, а того, что позволит вывести Кубу из того плачевного состояния, в котором она сейчас находится и обеспечит ей достойное положение, которое она по праву заслуживает»²⁶. Он также отметил, что бюджет заокеанских провинций должен обсуждаться и приниматься не в испанских кортесах, а стать прерогативой законодательных органов самих заморских провинций. «До тех пор, пока Куба сама не будет принимать свой бюджет, – справедливо отмечал он, – она никогда не станет свободной»²⁷.

²⁵ Pérez, 1908. P.62,63.

²⁶ Figarola-Caneda, 1921. P. 340.

²⁷ Ortiz, 1929. P.180; Сако являлся сторонником канадской политической модели и неоднократно отмечал это во многих своих работах: «Аналитический экзамен принятого специальной комиссией сообщения...»(1837), «Сравнение между островом Куба и некоторыми английскими колониями»(1837), «Письмо одного кубинца своему другу» (1845), «Реплика Хосе Антонио Сако на ответ инспектора Королевских финансов В.Кеипо» (1847) и других. Он считал, что «сто тысяч штыков, направленных Испанией на Кубу для укрепления своего

Этот первый диалог между Кубой и Испанией так и не состоялся. Ни одно из выдвинутых кубинскими сторонниками реформ требований не было даже принято к сведению. Воспользовавшись колеблющимися позициями кубинских депутатов в вопросе о рабстве, метрополия, по существу, превратила работу Информационной хунты в политический фарс. Оправдались самые худшие опасения Сако, который предчувствовал такой исход событий. «Что касается результатов работы Информационной хунты, мне кажется, что мы вряд ли сможем добиться чего-либо стоящего», – писал он своему другу. «Самое большее, что нам могут предоставить – это представительство в испанском парламенте, но этого уже недостаточно для того, чтобы решить наши проблемы»²⁸.

Плачевные результаты работы Информационной хунты стали настоящим поражением для кубинских реформаторов, отмечал кубинский историк В. Моралес-и-Моралес, новым обманом со стороны метрополии с более серьезными политическими последствиями, чем события 1837 г., когда кубинские депутаты не были допущены на заседания испанских кортесов в 1837 г.²⁹

Еще 12 февраля 1867 г. в разгар работы Информационной хунты на Кубе был опубликован королевский декрет, введивший на острове 10%-й прямой налог на все виды собственности без каких-либо существенных изменений в действовавшей системе налогового обложения. На острове сложилась напряженная политическая обстановка, которая усугубилась последствиями мирового экономического кризиса 1866 г. Резко упали цены на основные экспортные товары (сахар, табак), парализовалась торговля. Поступления в испанскую казну от экспортно-импортных операций в 1866–1867 гг. достигли лишь 18.1 млн. песо вместо 25,6 млн. запланированных. Финансовый кризис вызвал банкротство многих акционерных компаний. Приостановили платежи Промышленный и Торговый банки, резко со-

режима не будут иметь такой силы, как предоставление острову политических прав». Saco, 1963. Т. III. Р. 493.

²⁸ Figarola-Caneda, 1921. P. 340.

²⁹ Morales y Morales, 1963. Т.3.Р. 145.

кратилось денежное обращение. Выпуск бумажных денег вызвал невиданную до тех пор инфляцию.

Введение нового налога на Кубе, который должен был вступить в силу с июля 1867 г., вызвало крайнее недовольство кубинских земельных собственников. Значительная часть кубинского населения оказалась не в состоянии в период экономического застоя оплатить его. Пользуясь неосведомленностью налогоплательщиков, сборщики налогов требовали его уплаты не в серебряной монете, как полагалось, а в золотой, что значительно повышало его реальную стоимость. Дело доходило до стычек между представителями колониальной администрации и кубинскими землевладельцами. В обстановке усиления политической конфронтации между креольским населением и испанскими элементами на Кубе развернулась подготовка освободительной борьбы. Летом этого же года в восточной части острова началась подготовка к вооруженному восстанию, который вспыхнул в восточной части острова. А главным центром антииспанской борьбы стал родной город Сако Баямо.

Тяжелой и нестабильной была экономическая и политическая ситуация и в Испании. Монетарный кризис 1864 г. в Англии спровоцировал финансовый кризис 1866 г., в результате которого пострадали крупные банки Испании, было заморожено железнодорожное строительство. Ситуация в стране обострилась низкими урожаями 1866 г., что привело к массовому голоду населения, и аграрным кризисом 1867 г., вызванным отсутствием сырья для текстильной промышленности.

В тяжелом состоянии находились и финансы метрополии, которая в 60-е годы активно участвовала в военных авантюрах. Так, в 1859 г. она развязала войну в Марокко, в 1861 г. захватила Санто-Доминго и удерживала его до 1865 г. Вместе с Англией и Францией предприняла вооруженную интервенцию в Мексику с целью свержения прогрессивного правительства Б. Хуареса; в 1864–1866 гг. вела военные действия против Чили и Перу. Расходы на военные нужды метрополии составили 18 млн песо, значительную часть которых пришлось оплатить Кубе³⁰.

³⁰ Portell Villá, 1938–1941. Т. II. P. 143.

Экономические и финансовые трудности отразились на политической обстановке в стране и способствовали складыванию серьезной антимонархической оппозиции правящему клану Борбонов. С 1867 г. началась тайная подготовка к свержению Изабеллы II.

А все выступления, просьбы и предложения кубинских и пуэрто-риканских депутатов по поводу реформ колониального управления, запечатленные на страницах двухтомного сборника под названием «Информация о реформах на Кубе и Пуэрто-Рико», так и остались пылиться на страницах истории. Навсегда.

Библиография / References

- Ивкина Л.А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе, 1868–1878. М.: Наука. 2007. Ivkina L. A. Desyatiletniaya voina za nesavisimocst na Kube, 1868–1878. Moscu, Nauka, 2007 [The Ten Years War for independence in Cuba, 1868–1878].
- Фонер Ф.С.* История Кубы и ее отношений с США, 1845–1895. М., Прогресс, 1964. Foner F.S. Historia de de Kuba y ee otnoshenii s SSHA, 1845–1895. Moscu, Progress, 1964. [History of Cuba and here relation with EE. UU].
- Apuntes sobre la cuestión de la reforma política y de la introducción de africanos en la isla de Cuba y Puerto-Rico. Madrid: Establecimiento tipográfico de T. Fortanet, 1866.
- Cuadro estadístico de la siempre fiel isla de Cuba correspondiente al año de 1846. La Habana, 1847.
- Documentos para la historia de Cuba. Epoca colonial. T.I. La Habana, 1971.
- Fernández de Castro J.A.* Medio siglo de la historia colonial (1823–1879). La Habana: Ed.: Ricardo Veloso, 1923.
- Figarola-Caneda A.* José Antonio Saco: Documentos para su vida. La Habana, 1921.
- Infiesta R.* Historia constitucional de Cuba. La Habana, 1951.
- Información sobre reformas en Cuba y Puerto Rico. 2 tomos en un 1 vol. Nueva York: Imprenta de Hallet y Breen, 1867.

- Informe sobre el Censo de la República de Cuba, 1899. Wash.: Imprenta del Gobierno, 1900.
- Knight F.* Slave Society in Cuba during the Nineteenth century. Madison, 1970.
- Morales y Morales V.* Iniciadores y primeros mártires de la revolución cubana. T.1–3. La Habana: Consejo Nacional de Cultura, 1960–1963.
- Murray D.R.* Statistica of the Slave Trade to Cuba, 1790–1867// Journal of Latin American Studies. N.Y., 1971. V. 3. P. 2.
- Noticias estadísticas de la isla de Cuba en 1862. Madrid, 1864.
- Ortiz F.* Jose Antonio Saco y sus ideas cubanas. La Habana: El Universal, 1929.
- Pérez L.M.* Estudio sobre las ideas políticas de José Antonio Saco. La Habana: Avisador Comercial, 1908.
- Pezuela y Lobo J. de la.* Diccionario geográfico, estadístico, histórico de la isla de Cuba. T. I–IV. Madrid, 1863–1866.
- Portell Vilá H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los EE.UU. y España. T.I–IV. La Habana: Jesús Montero, 1938–1941.
- Saco J.A.* Obras. T.I–V. La Habana: Imagen Contemporánea, 2001.
- Saco J.A.* Papeles sobre Cuba: Colección de papeles científicos, históricos, políticos y de otros ramos sobre la isla de Cuba ya publicados, ya inéditos. T.I–III. La Habana, 1960–1963.
- Sedano y Cruzat C. de.* Cuba desde 1850 á 1873. Colección de informes, memorias, proyectos y antecedentes sobre el gobierno de la isla de Cuba. Madrid: Imprenta Nacional, 1873.